

Семья Цзи была многочисленной и дружной: у отца было трое братьев и сестёр, и даже в будние дни они частенько заходили друг к другу в гости, а уж в праздники и подавно.

Наступил Чуньцзе — Праздник Весны. Те, кто учился или работал вдали от дома, вернулись в родные пенаты, и без того шумный дом наполнился ещё более оживлёнными голосами. За праздничным столом, когда все собрались, разговор, как водится, перекинулся на младшее поколение, и вскоре все взгляды устремились на Цзи Линьсюэ.

Тётушка, старшая сестра отца, женщина любопытная и прямолинейная, с интересом спросила:

— Говорят, Линьсюэ уехал учиться в другой город? Это правда?

— Да, в город С, — коротко ответил Цзи Линьсюэ, поднося ко рту кусочек рыбы.

— Это та самая школа Дэинь, про которую столько разговоров? — не унималась тётушка. — Я слышала, там учится много детей из богатых семей, которые привыкли всё решать деньгами и положением. Тебя там случайно не обижают?

Мать Цзи Линьсюэ, до этого мирно подкладывая всем угощение, вдруг замерла и с тревогой посмотрела на сына.

— Вот как? Есть такие разговоры?

Цзи Линьсюэ аккуратно положил палочки, взял салфетку, промокнул губы и с лёгкой улыбкой, успокаивая, ответил:

— Нет, мам, ничего такого нет. И вы, тётя, не волнуйтесь. Всё хорошо.

В этот момент лежавший на столе телефон мягко завибрировал. Цзи Линьсюэ скосил глаза — на экране высветилось сообщение от Шэнь Шаояня. Судя по всему, массовая рассылка.

Болтун_сам_себе_враг: В канун Нового года, мечтая о встрече, мы едем за тысячи ли, чтобы воссоединиться с семьёй. Других пожеланий не шлю, лишь одного желаю — всей вашей семье собраться вместе! Крепкого здоровья вам и вашим близким, счастливого и радостного года! Пусть душа будет широка, удача сопутствует во всех делах, и вы благополучно встретите Новый год! Вань Мин поздравляет вас с Новым годом! Желаю мира и добра!

Сообщение пришло не только лично ему, но и в их общий чат на четверых.

Цзи Линьсюэ даже протёр глаза, перечитывая это творение. На губах его заиграла едва заметная усмешка — слишком уж нелепо и трогательно одновременно это выглядело.

Не успел он отложить телефон, как тот снова ожил.

Рыбка_ест_крупную_рыбу: А кто такой Вань Мин?

Болтун_сам_себе_враг: ? Это мой двоюродный брат, а ты что, его знаешь?

Рыбка_ест_крупную_рыбу: Не знаю.

Болтун_сам_себе_враг: А как ты тогда узнал его имя? [Пёсик склонил голову в недоумении.jpg]

Рыбка_ест_крупную_рыбу: ...

Цзи Линьсюэ, с трудом сдерживая рвущийся наружу смех, набрал:

х: Ты бы своё поздравление перечитал.

И одновременно с его сообщением пришло другое.

Хэн: Чужие поздравления пересылаешь, а имя чужое удалить забыл?

Повисла томительная пауза. А затем чат взорвался сообщениями от Шэнь Шаояня, который наконец осознал всю глубину своего конфуза.

Болтун_сам_себе_враг: Твою ж дивизию! А я-то думаю, с чего это все спрашивают, кто такой Вань Мин! Позорище!!!

Болтун_сам_себе_враг: Хэн-гэ, ты объявился! А я тебе сколько дней писал — ты чего молчал?

Хэн: Занят.

Коротко, сухо, и — тишина. Как ни бушевал Шэнь Шаоянь в чате, Гу Хэнчжи больше не появлялся, словно растворился в воздухе.

Зимние каникулы длились целый месяц — для Дэинь, школы, не привыкшей баловать учеников долгим отдыхом, это было настоящим подарком. Но Цзи Линьсюэ времени даром не терял и все дни посвящал учёбе.

Когда каникулы подошли к концу, он снова ступил на землю города С. Было странное, почти сюрреалистическое ощущение, будто прошла не пара недель, а целая жизнь.

В школе почти ничего не изменилось. Всё те же стены, те же коридоры, тот же уютный хаос. Единственное, что бросилось в глаза, — на восточной стороне вырос строительный кран, и новое здание уже начало обретать очертания.

Одноклассники, конечно, тут же принялись это обсуждать.

— Зачем школе ещё одно здание? Что там будет?

— Новая библиотека. Целое здание, целиком под неё. Говорят, роскошь невероятная.

— Но старая же только недавно открылась. Пусть не такая большая, но нам вполне хватало.

— Я слышал, это какой-то ученик школе здание подарил.

Их семьи были далеко не бедны, но до такой степени богатства, чтобы просто так жертвовать миллионы, им было далеко. Поэтому разговоры эти носили скорее отвлечённый, любопытствующий характер.

Цзи Линьсюэ слушал краем уха, не придавая значения. Но на следующий день на перемене до него донеслись обрывки разговора Шэнь Шаояня и Лу Юя.

— У семьи Су что, деньги девать некуда? — удивился Шэнь Шаоянь. — Школе здание дарят?

— Кто знает, — равнодушно пожал плечами Лу Юй. — Может, у них там что-то на уме.

— Но в Дэинь же никто из младшего поколения Су не учится, — машинально заметил Шэнь Шаоянь.

И вдруг, словно его осенило, он покосился в сторону Гу Хэнчжи и тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Да быть не может...

Цзи Линьсюэ не понимал, о каких загадках они говорят, и вскоре забыл об этом разговоре.

А наутро в класс с сияющей улыбкой вошёл учитель Чэнь в сопровождении незнакомой девушки.

— Ребята, тишина. Это наша новая ученица, Су Муцин. Давайте поприветствуем её.

Девушка была одета в мягкий бежевый кардиган крупной вязки, который делал её образ ещё более уютным и нежным. Лицо — белое, словно фарфоровое, с правильными, точеными чертами. Она уверенно стояла перед классом, и на её губах играла открытая, располагающая улыбка.

— Всем привет! — голос у неё оказался звонким и чистым. — Меня зовут Су Муцин. С сегодняшнего дня я часть вашего первого класса! Надеюсь на вашу поддержку!

«Юная, живая, смелая и уверенная в себе» — такое первое впечатление сложилось у Цзи Линьсюэ.

— Ого! Так это она! — выдохнул Шэнь Шаоянь, и на лице его отразилась сложная гамма чувств — от удивления до понимания. — А я-то думаю, с чего это семья Су вдруг решила здание школе подарить. А они, оказывается, своего человека протолкнуть хотели.

Цзи Линьсюэ повернулся и посмотрел на Гу Хэнчжи. Тот сидел, не отрывая взгляда от девушки у доски. Взгляд его был прикован к ней, словно магнитом.

Су Муцин закончила представляться. Учитель Чэнь, явно к ней благоволивший, указал ей на хорошее место в центре класса.

Но Су Муцин покачала головой:

— Учитель, можно я сама выберу место?

— Вообще-то все места заняты, — ответил учитель, чуть нахмурившись. — Но если кто-то из учеников согласится поменяться с тобой — пожалуйста.

Су Муцин спустилась с кафедры и уверенно, словно знала дорогу, направилась прямо к Гу Хэнчжи.

Цзи Линьсюэ, едва она двинулась с места, уже почувствовал неладное. Так и вышло — девушка, ни на кого не глядя, подошла и остановилась прямо возле него.

Она мило наклонилась, и на её красивом лице заиграла самоуверенная, чуть кокетливая улыбка:

— Ученик, не хочешь поменяться со мной местами?

Су Муцин действительно пришла в школу только ради Гу Хэнчжи.

Как только прозвучало это имя, в памяти Цзи Линьсюэ, словно вспышка, ожил образ из книги.

Су Муцин — злодейка-соперница в оригинальном романе «Любимица финансового магната». Самая избалованная дочь в семье Су, яркая, смелая, не знающая отказа. Ещё в школе она влюбилась в Гу Хэнчжи и с тех пор неотступно следовала за ним, словно тень. Она ревновала его к многочисленным любовницам, но не придавала этому значения — считала их лишь средством для удовлетворения физических потребностей, пустышками, которые не стоят её внимания.

Всё изменилось с появлением Бай Чутан. Гу Хэнчжи начал помогать ей снова и снова, делал для неё исключения, и, кажется, даже влюбился. Су Муцин видела это, и в её душе, словно ядовитый цветок, расцветала глухая обида. Она начала тайно сеять раздор между ними, творить всякие гадости, плести интриги. Именно она косвенно стала причиной гибели Цзи Линьсюэ.

Впрочем, и сама она плохо кончила. Когда Гу Хэнчжи раскрыл её проделки, он безжалостно обрушился на семью Су. Лишённая поддержки семьи, Су Муцин влачила жалкое существование и в конце концов умерла от голода на улице, забытая всеми.

— Эй! Я с тобой разговариваю! Ты чего застыл?

Недовольный, капризный голос вырвал Цзи Линьсюэ из омута воспоминаний. Он посмотрел на это надменное, холёное лицо и, не повышая тона, но твёрдо ответил:

— Извините, я не хочу меняться.

Девушка, видимо, не ожидавшая отказа, аж нос скривила от злости. В её глазах мелькнуло что-то, похожее на гнев и недоумение.

— Сколько ты хочешь? — процедила она сквозь зубы.

— Дело не в деньгах.

— Ты!

Почувствовав на себе любопытные, оценивающие взгляды одноклассников, Су Муцин, уязвлённая в самое сердце, зло фыркнула и, резко развернувшись, вернулась на своё место.

С детства избалованная, красивая, из богатой семьи — она привыкла, что ей никто не отказывает. За всю жизнь только Гу Хэнчжи сумел её задеть. И вот теперь появился ещё один нахал, посмевший бросить ей вызов.

— Ого! Посмел ей отказать — ты труп! — раздался рядом ехидный шёпот Шэнь Шаояня.

— Почему это? — удивился Цзи Линьсюэ, покосившись на соседа.

Шэнь Шаоянь покровительственно, с видом бывалого человека, похлопал его по плечу:

— Она очень злопамятная. Попадёшь ты у неё на заметку — мало не покажется. Уж я-то знаю.

— А ты, вроде, сам вроде как к ней неровно дышал, а теперь за глаза поливаешь? — с лёгкой усмешкой спросил Цзи Линьсюэ.

— Даже не напоминай! — Шэнь Шаоянь, задетый за живое, аж всплеснул руками. — Ослеп я тогда, её показухой прельстился! Она меня использовала, чтобы к Хэн-гэ подобраться! Я для неё, понимаешь, день рождения устроил, а она меня же и подставила! У меня теперь психологическая травма на всю жизнь!

Лу Юй, слушавший этот эмоциональный монолог, лишь пожал плечами и философски заметил:

— Что-то я твоей травмы не замечаю.

Шэнь Шаоянь в последнее время активно ухлёстывал за какой-то первокурсницей — дарил цветы, водил за ручку, гулял допоздна. Познакомились, говорят, в баре на каникулах.

— ...Не разоблачай меня, — буркнул Шэнь Шаоянь, смущённо отводя глаза.

Цзи Линьсюэ ожидал, что Су Муцин, с её-то напором, сразу же после урока бросится в атаку на Гу Хэнчжи. Но, к его удивлению, всё утро она просидела смирно, лишь изредка бросая в его сторону задумчивые взгляды и о чём-то оживлённо перешёптываясь с соседками.

Су Муцин оказалась общительной и, благодаря своей природной харизме и умению слушать, быстро нашла общий язык с девушками в классе. От них она узнала всё, что хотела — о расписании, об учителях, и, конечно, о Гу Хэнчжи.

После уроков она без тени смущения, словно так и надо, пристроилась рядом с ним.

Гу Хэнчжи даже не удостоил её взглядом, продолжая идти своей обычной, чуть ленивой походкой.

— Не ходи за мной, — бросил он холодно.

— Хэнчжи-гэ, — Су Муцин надула губки, придав лицу самое жалобное выражение, на которое

была способна. — Я здесь совсем недавно, никого не знаю, даже не представляю, где у вас тут столовая. — Она была хороша собой, и эта гримаска вышла у неё не отталкивающей, а скорее по-детски наивной и милой. — Неужели ты дашь мне умереть с голоду?

Гу Хэнчжи, не сбавляя шага, бросил через плечо:

— Пусть Шэнь Шаоянь тебя отведёт.

Шэнь Шаоянь, до этого с интересом наблюдавший за сценой со стороны, аж подпрыгнул на месте:

— Э, а меня-то зачем впутывать?! Она же не на меня глаз положила!

Су Муцин, ничуть не обескураженная холодным приёмом, как привязанная, следовала за Гу Хэнчжи. Даже в столовой, словно маленький, но настырный хвостик, стояла за ним в очереди, не сводя с него сияющих глаз.

Шэнь Шаоянь и Лу Юй молча, с интересом, наблюдали за этим спектаклем.

Если бы перед ним был парень, Гу Хэнчжи, не задумываясь, пустил бы в ход кулаки. Но с женщинами он справиться не умел. Обычно девушки, которым он нравился, после пары холодных, равнодушных взглядов и коротких отказов отставали сами. Такого настырного, липкого, как патока, человека, как Су Муцин, он видел впервые.

К тому же она только ходила за ним, не позволяя себе ничего лишнего, никаких прикосновений, никаких провокаций. Через несколько дней Гу Хэнчжи просто перестал её замечать. Что бы она ни говорила, он делал вид, что её не существует, словно она была пустым местом.

Метод сработал. Су Муцин, привыкшая быть в центре внимания, разозлилась. Поняв, что прямая атака не работает, она решила зайти с другой стороны.

Её целью стал Шэнь Шаоянь — простодушный, открытый, у которого все мысли на лице написаны, да ещё и подкупить его оказалось проще простого.

Су Муцин одарила его тем, что он любил — вниманием, лестью, парой безделушек, — и искренне (насколько это было возможно) извинилась за тот давний случай на дне рождения. Шэнь Шаоянь, конечно же, тут же растаял, как весенний снег.

— Вообще-то я не то, чтобы не помогаю, — оправдывался он, чувствуя себя немного виноватым перед Гу Хэнчжи. — Просто Хэн-гэ к романтике совершенно равнодушен. Я ему кучу девчонок сватал — ни одна не приглянулась. Холодный он, как айсберг.

— Ничего, — Су Муцин гордо вскинула подбородок, в глазах её загорелся азартный огонёк. — Если бы Гу Хэнчжи так легко было завоевать, я бы на него и не взглянула. Слишком просто, неинтересно. Ты просто бери меня с собой, куда ходите, и всё.

«Просто брать с собой — это же не страшно, Хэн-гэ не рассердится», — подумал Шэнь Шаоянь, терзаемый смутными сомнениями, и согласился.

Так в один прекрасный день за их привычным обеденным столом, за которым обычно царила своя, устоявшаяся атмосфера, оказалось на одного человека больше.

Гу Хэнчжи поднял глаза на Шэнь Шаояня. Взгляд его был красноречивее всяких слов — тяжёлый, вопросительный, с холодком.

— Ну, я подумал, — затараторил Шэнь Шаоянь, чувствуя себя неуютно под этим взглядом. — Су Муцин хорошая девушка, мы с ней поговорили. Ей одной обедать скучно, вот я и позвал её. Вы же не против?

Лу Юй, скрывая усмешку, пожал плечами:

— Конечно... не против.

Гу Хэнчжи нахмурился, собираясь что-то сказать, но его опередил Цзи Линьсюэ, спокойно, даже равнодушно, произнёсший:

— Я тоже не против.

Гу Хэнчжи метнул в него сердитый взгляд и, ничего не сказав, положил в его миску большую фрикадельку из своего супа.

— Ешь давай, — буркнул он. — А то язык без дела болтает.

Су Муцин, наблюдавшая за этой сценой с живым интересом, вдруг оживилась:

— Кстати, я тут уже сколько времени, а всё не знаю, как зовут этого ученика. — она указала взглядом на Цзи Линьсюэ. — Вы с Хэнчжи-гэ, похоже, очень хорошо ладите?

Шэнь Шаоянь, почувствовав подвох, но не в силах удержаться от возможности подколоть друга, хитро прищурился и с елейной улыбочкой выдал:

— Ещё бы! Хэн-гэ свой первый поцелуй ему отдал!

За столом повисла звенящая, гробовая тишина.

Су Муцин вытаращила глаза, переводя ошарашенный взгляд с Гу Хэнчжи на Цзи Линьсюэ и обратно. Челюсть её отвисла, а нежный румянец на щеках сменился мертвенной бледностью.

В следующую секунду палочки с грохотом ударились о стол. Гу Хэнчжи метнул в Шэнь Шаояня взгляд, полный такого ледяного гнева, что тот, казалось, сейчас превратится в сосульку.

— Шэнь Шаоянь, ты что, белены объелся? — голос его звучал тихо, но от этого становилось ещё страшнее.

Договорив, он украдкой, почти незаметно, взглянул на Цзи Линьсюэ. Взгляд его сам собой, помимо воли, задержался на его губах. Тогда, в бассейне, когда он делал искусственное дыхание, спасая его, он ни о чём таком не думал, всё было как в тумане. А сейчас вдруг, словно вспышка, накатило воспоминание: мягкие, кажется, были... и прохладные.

Цзи Линьсюэ, однако, оставался абсолютно невозмутим. Он спокойно продолжал есть, словно речь шла вовсе не о нём, словно его это никак не касалось.

Лу Юй, почувствовав накалившуюся атмосферу, счёл нужным вмешаться.

— Шэнь Шаоянь, вечно ты мелешь языком не подумав, — сказал он с лёгким укором. — Хэн-гэ просто оказывал первую помощь. Цзи Линьсюэ тогда в бассейне тонул, нахлебался воды. Нужно было срочно делать искусственное дыхание, вот он и сделал.

Шэнь Шаоянь, чувствуя себя ужасно неловко и виновато, почесал затылок.

— Да я пошутить хотел, — пробормотал он, отводя глаза. — Хэн-гэ, Снежок, вы уж простите, если что не так.

Гу Хэнчжи только фыркнул в ответ, но лёд, кажется, тронулся.

Цзи Линьсюэ, продолжая жевать, спокойно ответил:

— Ничего страшного.

Атмосфера за столом постепенно разрядилась, разговор перетёк на другие темы. Су Муцин, переведя дух, с облегчением выдохнула и тихо, словно про себя, пробормотала:

— А, вот оно что... А я уж думала... — Она осеклась, не договорив, но в её глазах, обращённых к Гу Хэнчжи, зажёгся новый, ещё более яркий огонёк.

<http://bllate.org/book/16531/1569348>